

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

ТРЕТИЙ ГОД

№ № 36-51

261-е по 276-е заседания

3 - 31 марта 1948 года

Нью-Йорк

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

ТРЕТИЙ ГОД

№ № 36-51

261-е по 276-е заседания

3 - 31 марта 1948 года

Нью-Йорк

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.		Стр.
Двести шестьдесят первое заседание		Двести шестьдесят девятое заседание	
1. Предварительная повестка дня . . .	1	22. Предварительная повестка дня . . .	59
2. Утверждение повестки дня	1	23. Утверждение повестки дня	59
3. Заявление Бирмы о приеме в число членов Организации Объединенных Наций	1	24. Индо-пакистанский вопрос (продол- жение)	59
4. Палестинский вопрос (продолжение)	1		
Двести шестьдесят второе заседание		Двести семидесятое заседание	
5. Предварительная повестка дня . . .	4	25. Предварительная повестка дня . . .	75
6. Утверждение повестки дня	4	26. Утверждение повестки дня	75
7. Палестинский вопрос (продолжение)	4	27. Палестинский вопрос (продолжение)	75
Двести шестьдесят третье заседание		Двести семьдесят первое заседание	
8. Палестинский вопрос (продолжение)	19	28. Палестинский вопрос (продолжение)	82
Двести шестьдесят четвертое заседание		Двести семьдесят второе заседание	
9. Предварительная повестка дня . . .	24	29. Предварительная повестка дня . . .	91
10. Утверждение повестки дня	24	30. Утверждение повестки дня	91
11. Индо-пакистанский вопрос (продол- жение)	24	31. Письмо постоянного представителя Чили относительно событий в Чехо- словакии (продолжение)	91
Двести шестьдесят пятое заседание		Двести семьдесят третье заседание	
12. Официальное сообщение	35	32. Предварительная повестка дня . . .	108
Двести шестьдесят шестое заседание		33. Утверждение повестки дня	108
13. Предварительная повестка дня . . .	35	34. Письмо постоянного представителя Чили относительно событий в Чехо- словакии (продолжение)	108
14. Утверждение повестки дня	35	Двести семьдесят четвертое заседание	
15. Индо-пакистанский вопрос (продол- жение)	35	35. Предварительная повестка дня . . .	121
Двести шестьдесят седьмое заседание		36. Утверждение повестки дня	121
16. Предварительная повестка дня . . .	42	37. Палестинский вопрос (продолжение)	121
17. Утверждение повестки дня	42	Двести семьдесят пятое заседание	
18. Палестинский вопрос (продолжение)	42	38. Предварительная повестка дня . . .	129
Двести шестьдесят восьмое заседание		39. Утверждение повестки дня	129
19. Предварительная повестка дня . . .	47	40. Палестинский вопрос (продолжение)	129
20. Утверждение повестки дня	47	Двести семьдесят шестое заседание	
21. Письмо постоянного представителя Чили относительно событий в Чехо- словакии	54	41. Предварительная повестка дня . . .	133
		42. Утверждение повестки дня	133
		43. Письмо постоянного представителя Чили относительно событий в Чехо- словакии (продолжение)	133

ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник 8 марта 1948 года, 2 ч. 30 м. дня Лейк Соксес, Нью-Йорк

Председатель: Г-н ЦЗЯН Тин-фу (Китай)

9. Предварительная повестка дня
(документ S/Agenda 264)

1. Утверждение повестки дня.
2. Индо-пакистанский вопрос:

а) Письмо представителя Индии от 1 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности относительно ситуации в Джамму и Кашмире (документ S/628)¹.

б) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 15 января 1948 года на имя Генерального Секретаря относительно ситуации в Джамму и Кашмире (документ S/646)².

в) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 20 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности (документ S/655)³.

10. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается

11. Индо-пакистанский вопрос (продолжение)

По приглашению Председателя представитель Индии г-н Гопаласвами Айянгар и представитель Пакистана сэр Мохаммед Зафруллахан занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я очень рад, что глава делегации Индии г-н Гопаласвами Айянгар вернулся к нам после консультаций со своим правительством, и я представляю ему слово.

Г-н ГОПАЛАСВАМИ АЙЯНГАР (Индия) (*говорит по-английски*): Я весьма признателен Председателю за только что произнесенные им любезные слова.

Я полагаю, что Совет Безопасности сегодня продолжит прения по вопросу о Джунагаде, и поэтому в тех нескольких замечаниях, которые я представляю Совету Безопасности, я ограничусь лишь вопросами, связанными с этой конкретной проблемой. На последнем заседании, на котором обсуждался этот вопрос [257-е заседание], представитель Индии г-н Веллоди достаточно полно и ясно разобрал по пунктам все те замечания, которые по этому поводу сделал представитель Пакистана в своей речи, произнесенной в Совете Безопасности 18 февраля [250-е заседание]. Я могу лишь немного добавить к тому, что г-н Веллоди сказал 26 февраля по существу большей части вопросов, которые выдвинул в связи с этим Пакистан.

Однако представитель Пакистана сделал несколько замечаний [257-е заседание] по поводу

речи, произнесенной г-ном Веллоди в Совете Безопасности 26 февраля. Я постараюсь сегодня разъяснить некоторые из пунктов, о которых он говорил в своих замечаниях, и представить один или два новых довода, говорящих в пользу Индии, для того чтобы Совет Безопасности мог иметь более полное представление о точке зрения Индии, прежде чем он начнет обсуждать сущность этого спорного вопроса.

Я хочу прежде всего упомянуть об одном имеющем второстепенное значение вопросе, поднятом представителем Пакистана в начале его заключительной речи по этому поводу. Речь идет о проведении в Джунагаде плебисцита в конце третьей недели февраля, что вызвало 18 и 26 февраля обмен замечаниями между представителем Пакистана и г-ном Веллоди.

То, что сказал представитель Пакистана по поводу предложения, которое он мне сделал в связи с этим вопросом, совершенно правильно. На одном из неофициальных совещаний между обеими делегациями, на котором председательствовал тогдашний Председатель Совета Безопасности, он попросил меня снестись с моим правительством по поводу того, чтобы отложить проведение плебисцита до тех пор, пока этот вопрос не будет обсужден Советом Безопасности. Я ему сразу же ответил, что считаю эту просьбу основательной и что я снесусь со своим правительством по этому поводу.

Я это и сделал почти сразу же после нашего разговора. Я предложил своему правительству, чтобы плебисцит был по возможности отложен. Правительство Индии очень тщательно рассмотрело вопрос о том, что можно сделать, чтобы удовлетворить эту просьбу, но пришлось к заключению, что мероприятия по проведению плебисцита зашли столь далеко, что в случае если бы он был отложен, для многих избирателей и должностных лиц, на обязанности которых лежит его проведение, возник бы целый ряд затруднений и неудобств административного характера, которые, по возможности, следовало избежать. Правительство Индии, поэтому, пришлось к следующему заключению: плебисцит может быть проведен по уже выработанному плану, но, если бы Совет Безопасности счел, что этот плебисцит не должен приниматься во внимание и что по тому же спорному вопросу должен быть проведен другой плебисцит под тем руководством и при тех обстоятельствах и условиях, которые Совет определит, то правительство Индии, со своей стороны, не будет возражать против проведения нового плебисцита.

Это сообщение было передано представителю Пакистана г-ном Веллоди, и в ходе дискуссии 18 февраля представитель Пакистана только упомянул об этом, подтвердив, что ответ правительства Индии был ему сообщен. На этом он и ограничился.

¹ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 139-144 англ. текста.

² Там же, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 67-87 англ. текста.

³ Там же, № 6, 231-е заседание.

В то время уже было совершенно ясно, что плебисцит будет проведен и что правительство Индии берет на себя только одно обязательство: принять меры для проведения нового плебисцита, если Совет Безопасности придет к заключению, что проведение этого нового плебисцита необходимо.

Представитель Пакистана тогда вовсе не поднимал вопроса о том, что действия правительства Индии свидетельствуют о его недостаточной учтивости или предупредительности по отношению к Совету Безопасности или к делегации Пакистана. В действительности же, в тот день, когда представитель Индии говорил по этому вопросу, т. е. 18 февраля, я прибыл в Индию и если бы я только имел представление о том, что в этом отношении Индия дает повод для какого-либо недовольства или обвинения, то я мог бы — и, конечно, был бы рад — предпринять шаги, если не к тому, чтобы плебисцит не состоялся, то по крайней мере к тому, чтобы голоса не подсчитывались и результаты не объявлялись до тех пор, пока Совет Безопасности не разрешит этого вопроса. Но, ознакомившись с заявлением представителя Пакистана, сделанным им 18 февраля, у меня и у моих коллег в правительстве Индии создалось впечатление, что принятые правительством Индии меры не вызвали никакого недовольства. Поэтому поданные голоса были подсчитаны и результаты объявлены.

Я хочу сегодня заверить Совет Безопасности в том, что представителям Индии никогда не приходила в голову мысль противиться каким бы то ни было мероприятиям, которые Совет Безопасности мог бы счесть в этом отношении необходимыми, а также, что правительство Индии никогда не имело намерения не считаться с какими бы то ни было решениями или рекомендациями Совета Безопасности в связи с этим вопросом.

Почему же тогда представитель Пакистана 18 февраля не высказал никакого недовольства по этому поводу, а сделал это лишь 26 февраля? Я не могу этого понять, так как единственное, что произошло тем временем, это то, что плебисцит состоялся. Но это ведь ни для кого не было новостью. В тот момент, когда 18 февраля произносилась эта речь, плебисцит ожидался в самом недалеком будущем. То, что фактически произошло в этот промежуток времени — это объявление результатов голосования.

Я полагаю, — да будет мне позволено сделать такое предположение, — что обнаружившаяся при подсчете голосов численность принявших участие в голосовании избирателей и объявленные результаты оказались, может быть, неожиданными. Я знаю, что представитель Пакистана признавал возможность и был готов к тому, что в результате этого плебисцита значительное большинство выскажется за Индию, но, может быть, он все же не ожидал тех цифр, которые были объявлены. Здесь будет, пожалуй, уместно привести несколько фактов и данных, которые, вероятно, увеличат то недовольство, которое Пакистан выражал по этому поводу.

На этом плебисците было зарегистрировано 200 569 избирателей, из коих мусульман было 21 606 и 178 963 немусульман. Число же приняв-

ших участие в голосовании избирателей достигло 190 870 человек, из коих за Индию голосовало 190 779, а за Пакистан — 91. Число неголосовавших избирателей составило 9 699 человек. Даже если все эти не голосовавшие избиратели в числе 9 699 человек и те 91, которые голосовали за Пакистан и были мусульманами, то следует все же признать, что 11 907 мусульман участвовали в голосовании и что 11 816 из них голосовали за Индию.

Приводя эти данные, я не хочу, чтобы у Совета Безопасности создалось впечатление, что я его прошу принять во внимание подавляющее большинство голосов, поданных за Индию, когда он будет принимать то или иное решение по вопросу о Джунагаде. Индия связана обязательством, которое она уже взяла на себя, и готова, если того потребует Совет Безопасности, провести снова плебисцит под соответствующим контролем.

Индия отнюдь не желает, чтобы это подавляющее большинство в ее пользу повлияло на решения Совета Безопасности. Она готова удовлетвориться точкой зрения, высказанной представителем Пакистана 26 февраля на 257-м заседании Совета Безопасности. Он тогда сказал следующее:

«Правда, г-н Веллоди заявил, что, по его мнению, результаты плебисцита не будут иными. Цифры, показывающие результаты плебисцита, могут оказаться иными, если плебисцит будет проводиться при других условиях, но, зная характер населения, можно утверждать, говорит представитель Индии, что результат будет тем же самым. Может быть это и так. Вероятно, это обстоит именно так. Но мы настаиваем на этих условиях не потому, что убеждены в возможности иных результатов в Джунагаде».

Все, о чем я прошу Совет Безопасности, — это то, чтобы, вынося свое решение по основному вопросу о том, должен ли проводиться новый плебисцит или нет, и если да, то на каких условиях, он имел в виду то признание, которое содержится в только что цитированных мною фразах. К этому сводится мое замечание по первому и не столь важному пункту, о котором говорил представитель Пакистана 26 февраля.

Второй из пунктов, на который тогда же сослался представитель Пакистана, касался приписываемого г-ну Веллоди заявления о том, что небольшое княжество Манавадар присоединилось к Индии. Я установил, что такого заявления нет в отчете заседания, а от самого г-на Веллоди узнал, что он такого заявления не делал.

Затем представитель Пакистана говорил о заявлении г-на Веллоди относительно пребывания в Джунагаде девана Джунагада, шаха Наваз Бхутто и относительно бегства девана в Карачи. В этом отношении произошла ошибка, и я сожалею, что вследствие недостаточной информации, которой в то время располагал г-н Веллоди, была допущена эта ошибка. Я прошу Совет Безопасности его извинить.

В то же время я считаю нужным обратить внимание Совета Безопасности на то, что эта ошибка несколько не изменяет выдвинутых тогда доводов, ни того, что г-н Веллоди сказал в связи с этим.

Находился ли деван 8 ноября 1947 года и в предшествующие дни в Джунагаде или же в Карачи, это не меняет основных доводов, приведенных г-ном Веллоди.

Эти доводы в общих чертах сводятся к тому, что, во-первых, деван вполне сознавал бесполезность сопротивления воле народа княжества; что, во-вторых, он поручил майору Харвею Джонсу встретиться с г-ном Самалдасом Ганди, главной временного правительства, которое укрепляло свою власть на территории Джунагада; и что в-третьих, по совету наваба и его совета министров и в соответствии с желанием народных лидеров, деван послал 8 ноября 1947 года через посредство майора Харвея Джонса письмо региональному комиссару и Раджкот.

Вот те три главных обстоятельства, которые упомянул г-н Веллоди. Все это случилось, когда деван фактически был в Джунагаде, но находился в постоянной связи со своим правителем, который был в Карачи, причем имеются основания предполагать, что была также возможность поддерживать связь между шахом Наваз Бхутто и должностными лицами, находившимися в связи с правительством Пакистана.

Несомненным является то обстоятельство, что наваб покинул государство в конце октября, как это заявил и сам представитель Пакистана, и что он поселился в Карачи. Деван скрылся из Джунагада 8 ноября и бежал в Карачи, после того как послал письмо региональному комиссару в Раджкоте, прося его взять на себя управление Джунагадом. Он прибыл в Карачи в тот же день.

Оспаривалось предположение г-на Веллоди о том, что пакистанское правительство хорошо знало о всем происходящем в связи с передачей управления в руки представителя правительства Индии в Раджкоте. Но предположение о том, что пакистанское правительство знало о всем происходящем, подтверждается целым рядом косвенных указаний, причем имеется достаточно этих указаний, чтобы оправдать такого рода предположение.

С другой стороны, однако, говорилось, что несмотря на то, что шах Наваз Бхутто и мог прибыть в Карачи 8-го, он до 10-го не обращался в министерство иностранных дел Пакистана. Указывалось также, что Пакистан получил телеграмму, которую деван послал пакистанскому правительству 8 ноября, лишь после того как вечером 9 ноября должностные лица доминиона Индия взяли в свои руки управление Джунагадом.

Я ограничусь лишь этими фактами и представляю Совету Безопасности самому судить, могут ли доводы Пакистана опровергнуть то обстоятельство, что наваб и его деван фактически находились в Карачи 8 и 9 ноября. В Джунагаде произошла революция, и, несмотря на то, что наваб и деван были в Карачи, пакистанское правительство не знало об этой передаче управления до тех пор, пока поздно вечером 9 ноября не получило телеграммы девана, т. е. после того как управление было взято в свои руки должностными лицами правительства Индии.

Я ничего не хочу определенно утверждать по поводу того, было ли пакистанское правительство об этом осведомлено или нет. Мне кажется,

однако, неправдоподобным, чтобы находившиеся в Карачи должностные лица пакистанского правительства не знали об этом факте столь долгое время, в особенности, имея в виду то, что два лица, стоявших до того во главе администрации в Джунагаде, находились в то время в Карачи.

Теперь я перехожу к другому заявлению представителя Пакистана, сделанному 26 февраля 1947 года и касающемуся вопроса о тех ограничениях и условиях, с которыми должны как будто считаться индийские княжества при решении вопроса о том, к какому из двух доминионов они присоединятся. Представитель Пакистана сказал тогда следующее:

«Г-н Веллоди заявил, что как уже было признано, в основу такого выбора должны лечь известные принципы, из которых он некоторые вкратце изложил. Но он не нашел нужным объяснить, кем они были признаны. Он ссылаясь на лорда Маунтбаттена; но он приводил его личное мнение... Если же имеется в виду, что договорились между собой Индийский национальный конгресс и Мусульманская лига или же доминион Индия и доминион Пакистан, то такой договоренности никогда не было. Это во-первых».

Что касается вопроса о присоединении, то мне кажется, что он требует некоторого разъяснения. В связи с этим я упомяну лишь несколько фактов. 25 июля 1947 года вице-король Индии в качестве представителя короны произнес речь в палате князей, созванной на специальное пленарное заседание. На этом заседании он освещал правителей и их представителей о политике будущих правительств как Индии, так и Пакистана. Я считаю нужным обратить внимание Совета Безопасности на то, что это заседание состоялось приблизительно за три недели до 15 августа 1947 года, т. е. того критического момента, когда произошла передача власти в Индии и были созданы два доминиона. Вице-король осведомил правителей и их представителей о политике будущих правительств Индии и Пакистана, выработанной им с ними в отношении формулировки актов о присоединении и соглашениях о статус кво, которые будут заключаться отдельными княжествами и с доминионами. Он дал ясно понять, что теоретически каждое княжество имеет право связать свое будущее с любым из доминионов по своему усмотрению или даже остаться независимым. Он указал, что для будущих правительств каждого доминиона учреждены министерства иностранных дел, но добавил следующее: «Хотя я и говорю, что княжества имеют право связать свое будущее с любым из доминионов, я считаю в то же время нужным указать, что все же существуют в этом отношении некоторые ограничения географического характера, которых нельзя избежать». Вице-король изложил свой взгляд на эти ограничения географического характера и к концу заседания стал отвечать на задаваемые ему вопросы. При этом он выразил надежду, что будущие правительства Индии и Пакистана примут к сведению изложенный им принцип и будут его придерживаться.

Что касается правительства Индии, то, конечно, оно определено и самым тщательным образом придерживалось этого принципа. Один пример сможет, пожалуй, подтвердить это мое ут-

верждение: значительное княжество Калат, которому по географическим соображениям несомненно надлежало присоединиться к Пакистану, обратилось к правительству Индии в целях установления политических отношений с последним, но ему было в этом отказано. Предложения неофициального характера поступили также и от другого княжества, Бахавалпур, но они были равным образом отклонены.

Я хотел бы обратить внимание Совета Безопасности еще на то обстоятельство, что в ходе разговоров, которые велись в высших инстанциях между лицами, занимающими и с той и с другой стороны высокое положение, руководители будущего Пакистана подтвердили создавшееся впечатление, что Пакистан тоже намерен признавать этот принцип и не станет конкурировать с Индией в присоединении к себе индийских княжеств. Сардар Абдур Раб Нисhtar, являющийся в настоящее время членом правительства Пакистана, был в то время членом коалиционного кабинета Объединенной Индии, а в тот момент, когда вице-король произнес упомянутую мною речь, он стоял во главе министерства иностранных дел будущего доминиона Пакистан. Из официальных отчетов явствует, что он фактически согласился с этим принципом. В соответствии с этой взаимно договоренной политикой и было отклонено предложение Калата. Поэтому вполне естественно, что руководители Индии предполагали, что Пакистан будет придерживаться этого принципа так же тщательно, как и они. Это все, что я хотел сказать по первому замечанию, сделанному представителем Пакистана в этом отношении.

Представитель Пакистана высказал и другое соображение. В своей речи, произнесенной на 257-м заседании, он сказал: «...сам доминион Индия всегда стоял на той позиции, что присоединение — это вопрос, который прежде всего решается правителем». После этого он дал понять, что ему лично больше известно об этих вопросах, чем могло быть на этом заседании известно представителю Индии.

Я пользуюсь случаем, чтобы ясно изложить Совету Безопасности, каковой была и остается позиция доминиона Индия в этом отношении.

Несомненно, что правитель как глава княжества должен играть определенную роль в решении вопроса о присоединении. Когда между ним и его народом не возникает разногласий относительно выбора доминиона, к которому они хотят присоединиться, он подает заявление о присоединении к данному доминиону. Однако в тех случаях, когда они расходятся во мнениях, необходимо установить, какова воля народа. Когда это точно установлено, правитель должен считаться с решением народа. Такова наша позиция в данном вопросе.

Я не думаю, чтобы представитель Пакистана имел в виду, что во всех случаях, т. е. каковы бы ни была воля народа, правитель является, с точки зрения доминиона Индия, тем лицом, которому надлежит решать этот вопрос. Напротив, я утверждаю, что, насколько мне известно, еще не было случая, когда бы при наличии подобного расхождения во взглядах между правителем и

его народом Индия считала решающим мнение правителя.

Представитель Пакистана затем высказал мнение, что именно в отношении Джунагада Индия впервые потребовала проведения плебисцита. Вполне возможно, что это было первым требованием, предъявленным Пакистану, но ведь и сам по себе случай является, по-моему, также первым в своем роде. Требование, чтобы воля народа была выявлена путем плебисцита, было предъявлено через шесть дней после 15 августа 1947 года.

Представитель Пакистана старался затем доказать, что когда это требование было представлено, Пакистан не отклонил его, потому что речь шла о принципиальном вопросе.

Он об этом говорил, да будет мне позволено так выразиться, в весьма осторожных выражениях. Это не будет, пожалуй, неправильным утверждать, что Пакистан не отклонил этого требования, потому что в нем речь шла о принципиальном вопросе. Но в связи с вопросом о Джунагаде нас больше интересует, согласился ли бы Пакистан — после того как ему это требование было предъявлено, возобновлено, и мы на нем неоднократно настаивали — применить этот принцип в отношении Джунагада еще до того, как этот вопрос поступил на рассмотрение Совета Безопасности.

В данном случае я хотел бы дать Совету Безопасности историческую справку о той позиции, которую постоянно занимала Индия в данном случае, а также о том, как реагировал Пакистан на предложения Индии.

Уже 21 августа 1947 года, т. е. когда Индия узнала о том, что Джунагад предполагает присоединиться к Пакистану, министерство правительства Индии, ведающее этим вопросом, обратилось к Верховному комиссару для Пакистана в Нью-Дели, особенно подчеркивая позицию Индии. В этом обращении говорилось: «Несомненно, что столь важное решение не может быть принято правителем, не считаясь с волей своего народа. Поэтому правительство Индии было бы Вам признательно, если бы Вы могли выяснить у правительства Пакистана, каково его отношение к этому вопросу».

Это письмо оставалось без ответа в течение нескольких дней. 6 сентября 1947 года, т. е. через две недели после того как оно было отправлено, Верховному комиссару было послано напоминание, в котором обращалось его внимание на то, что ответ еще не получен. На это Верховный комиссар сообщил 12 сентября 1947 года, что он еще не получил ответа от своего правительства в Карачи и что он сообщит решение последнего, как только оно ему станет известным. Ответа на это обращение не последовало до тех пор, пока Пакистан фактически уже не согласился на присоединение, о котором Наваб Джунагада подал ему заявление почти за месяц до этого. Об этом вопросе Пакистану было впервые сообщено в письме от 21 августа 1947 года, т. е. до того как им было дано согласие на присоединение и в то время, когда этот вопрос еще обсуждался пакистанским правительством.

Вторично этот вопрос был поднят в телеграмме премьер-министра Индии от 11 сентября 1947

года на имя премьер-министра Пакистана. В этой телеграмме премьер-министр Индии сказал: «Доминион Индия согласен на выяснение вопроса о присоединении княжества Джунагад к любому из двух Доминионов любым демократическим путем. Таким образом, он готов подчиниться воле народа Джунагада по этому вопросу, выясненной под совместным контролем обеих сторон...». Ответа на эту телеграмму получено не было.

В третий раз вопрос был затронут в телеграмме премьер-министра Индии от 21 сентября 1947 года на имя премьер-министра Пакистана, в которой говорилось:

«Что касается присоединения Джунагада к Пакистану, я обращаю Ваше внимание на нашу телеграмму, посланную на имя премьер-министра Пакистана, которую лорд Измаи ему лично вручил 12 сентября в здании правительства в Карачи и в которой подробно излагалась позиция правительства Индии в отношении Джунагада».

Последняя фраза этой телеграммы гласила:

«Правительство Индии, однако, все же согласно признать в вопросе о присоединении волю народа Джунагада, с тем чтобы плебисцит был проведен под совместным контролем правительств Индии и Джунагада».

Весь вопрос, так ясно сформулированный в этой телеграмме, был обойден молчанием в ответной телеграмме правительства Пакистана от 25 сентября 1947 года. В пункте 5 этой телеграммы, посланной «министерством иностранных дел в Карачи» на имя «министерства иностранных дел в Нью-Дели», говорилось:

«Что касается вашего предложения о проведении плебисцита, то это вопрос, который должен быть решен законной властью правителя и народом Джунагада».

В четвертый раз об этом говорилось в телеграмме от 2 октября 1947 года, посланной «министерством иностранных дел в Нью-Дели» на имя «министерства иностранных дел в Карачи». В одной ее фразе обращалось внимание на создавшееся положение следующими словами:

«Это уменьшит существующее напряжение и даст возможность прийти к удовлетворительному и полюбовному разрешению вопроса в соответствии с волей населения заинтересованных территорий».

Ответ на это содержится в телеграмме от 5 октября 1947 года. И здесь вопрос о плебисците снова был обойден молчанием. Вместо этого в ней говорилось:

«Я надеюсь, что это даст нам на нашем следующем совещании возможность удовлетворительно и полюбовно разрешить ряд открытых еще вопросов, касающихся... (обсуждения) условий и обстоятельств, при которых должен быть проведен плебисцит в том или ином, или во всех государствах».

По спорному вопросу о Джунагаде прямого ответа не последовало; было лишь высказано мнение, что вопрос об обстоятельствах и условиях, при которых плебисцит может быть проведен в одном или нескольких государствах, может быть предметом обсуждения на одном из будущих совещаний.

В пятый раз об этом говорилось в телеграмме из Индии от 5 октября, в которой было сказано следующее:

«Единственная основа, на которой дружеские переговоры могут быть начаты и могут оказаться плодотворными, — это восстановление в Джунагаде, Бабриваде и Мангроле статус-кво, существовавшего до присоединения Джунагада к Пакистану. Другая возможность, кроме переговоров, заключается в проведении в Джунагаде референдума или плебисцита».

Существует еще одна телеграмма, посланная Индией 7 октября 1947 года Пакистану, в которой, не понимая, может быть, причины, по которой Пакистан старался избегать прямого ответа, правительство Индии заявило следующее:

«Мы весьма рады, что вы согласны на совместное обсуждение вопроса об условиях и обстоятельствах, при которых должен быть проведен плебисцит или референдум, чтобы установить волю народа. Как только это будет урегулировано в отношении Джунагада, будет сравнительно легко разрешить и второстепенные вопросы, касающиеся Мангрола и Бабривада».

Ответ Пакистана содержится в его телеграмме от 23 октября 1947 года. В пункте 5 этой телеграммы, посланной «министерством иностранных дел в Карачи» «министерству иностранных дел в Нью-Дели», говорится:

«Что касается вопроса о плебисците, премьер-министр Пакистана сообщил Вам, что он его обсудит с Вами на следующем совещании. В настоящее время он находится в Лахоре...».

Этот вопрос был в шестой раз затронут в телеграмме Индии от 10 ноября 1947 года, т. е. на следующий день после того как управление Джунагадом перестало осуществляться девагом и советом министров. В этой телеграмме, посланной «министерством иностранных дел в Нью-Дели» «премьер-министру Пакистана», говорится следующее:

«Мы уже ранее указывали вам, что окончательное решение должно быть принято путем проведения референдума или плебисцита».

На следующий день был получен ответ Пакистана, и вот что в нем было сказано:

«Что касается вашего предложения о совещании между представителями обоих Доминионов и навабом Джунагада, то вам хорошо известно, что мы всегда были согласны обсудить этот вопрос, а также все другие вопросы, связанные с проблемой присоединения к тому или другому доминиону. Однако совершенно очевидно, что нет никаких оснований для созыва какого-либо совещания, когда вы уже заняли нашу территорию вооруженными силами. Мы сможем с пользой присутствовать при обсуждении данного вопроса лишь при условии немедленного отвода индийских войск, восстановления администрации наваба и возвращения к нормальным условиям как в самом Джунагаде, так и в прилегающих к его границам районах, включая прекращение деятельности так называемого временного правительства».

Слово «плебисцит» упомянуто не было.

Наконец, в седьмой и последний раз об этом вопросе упоминалось в телеграмме Индии от 17

ноября 1947 г. Вот что говорилось в пятом пункте этой телеграммы, посланной «министерством иностранных дел в Нью-Дели» премьер-министру Пакистана, который в то время находился в Лакхоре:

«Быстрая и незамедлительная стабилизация положения является поэтому сущностью политики правительства Индии, и с этой целью мы желаем в кратчайший срок урегулировать этот вопрос путем плебисцита, как вам уже сообщалось в моей телеграмме от 10 ноября. По нашему мнению, это единственный способ, которым этот спорный вопрос может быть урегулирован удовлетворительным образом».

В ответ на это была получена телеграмма от 22 ноября 1947 года, в которой имеется следующая фраза:

«Мы, конечно, не можем признать ни занятия Джунагада, ни плебисцита, который вы повидимому имеете в виду».

Я представил Совету Безопасности все эти факты для того, чтобы указать, как — я полагаю, что преднамеренно — правительство Пакистана определенно уклонилось от рассмотрения вопроса о проведении в Джунагаде плебисцита с целью установления истинной воли народа. Возможно, что правительство Пакистана и не отвергло в определенных выражениях сделанное ему правительством Индии предложение, однако, нет никаких указаний и на то, что правительство Пакистана фактически признало предъявленное ему Индией требование.

Действительно, ведь даже в жалобе на Индию, поданной Пакистаном в Совет Безопасности, ничего не говорится о плебисците в Джунагаде. Идея плебисцита впервые была ясно признана в речи представителя Пакистана, произнесенной 18 февраля [250-е заседание]. Но даже и тогда это было сделано в очень осторожных выражениях, так как было сказано только следующее: «И если будут тогда настаивать», — т. е. после того как будет восстановлено нормальное управление, — «чтобы воля народа Джунагада в вопросе о присоединении была выявлена путем плебисцита, то необходимо провести свободный и беспрепятственный плебисцит».

Если что-либо в вопросе о Джунагаде вообще вполне очевидно, так это то, что народ этого княжества подавляющим большинством как его вождей, так и массы населения высказался за присоединение к Индии, тогда как правитель стоял за присоединение к Пакистану и фактически добился того, что Пакистан принял сделанное ему по этому поводу предложение. С другой же стороны, как это заявил и представитель Пакистана, признается принцип, согласно которому, в случае оспариваемого присоединения подобного рода, воля народа должна быть решающим фактором при разрешении вопроса, к которому из доминионов данное княжество может присоединиться.

Долгие колебания Пакистана по вопросу о принятии этого, очевидно, здравого принципа, на котором настаивала Индия, объясняются. может быть, тем, что Пакистан был обеспокоен возможными последствиями такого решения в других княжествах, в которых он был заинтересован.

Возможно, что княжество Хайдарабад является причиной тому, что Пакистан не решался признать этот принцип в отношении Джунагада. Возможно также, что конечное согласие на проведение плебисцита в Джунагаде было неизбежным последствием той позиции, которую Пакистан должен был занять в отношении Кашмира.

Представитель Пакистана сделал еще и другое несколько странное заявление. Он заметил, что Индия хотела, чтобы этот принцип был признан в отношении Джунагада, но не в отношении других княжеств. Я позволю себе заявить, что это замечание лишено всяких оснований и совершенно не соответствует действительности.

Что касается вопроса о присоединении Джунагада, я считаю нужным представить Совету Безопасности одно весьма важное соображение. Как заявление о присоединении, так и согласие на присоединение являются актами политического порядка, которые нельзя осуществлять, основываясь исключительно на букве закона. Принятое от имени Джунагада решение присоединиться к Пакистану не может быть оправдано — я позволю себе это сказать — никакими соображениями. Географические, социальные, культурные и другие определяющие факторы на стороне Индии; Джунагад фактически является островом в целом океане княжеств, присоединившихся к Индии, и при этих обстоятельствах его присоединение к Пакистану представляется с политической точки зрения таким решением, которое ни один здравомыслящий человек не может считать отвечающим интересам княжества Джунагад и его народа.

Народ этого княжества и правительство Индии предостерегали от принятия этого решения и наваба Джунагада, и правительство Пакистана. Я не хочу злоупотреблять временем Совета Безопасности и оглашать в подтверждение этого факта дополнительные документы, но стоило бы более подробно расследовать этот вопрос, чтобы Совет Безопасности мог представить себе картину, соответствующую фактическому положению вещей.

Во многих отношениях мысль о присоединении Джунагада к Пакистану является фантастической. С военной точки зрения это бесспорно так; с точки зрения политической и экономической это наложило бы такие обязательства на Пакистан, что сама мысль об этом почти равносильна попытке завлечь Индию в ловушку. Некоторые так и говорили, что решение, принятое в данном случае правительством Пакистана при содействии наваба Джунагада, было рассчитано на то, чтобы побудить правительство Индии принять опрометчивые и агрессивные меры. Но для сведения Совета Безопасности я могу заявить, что во всех своих действиях в связи с этим вопросом правительство Индии особо тщательно старалось не сделать ничего такого, в результате чего оно могло бы попасть в ловушку подобного рода. Что касается Индии, я могу заявить, что случай Джунагада является, возможно, именно тем, в котором не может возникнуть никаких сомнений по поводу того, к которому из доминионов, т. е. к Индии или к Пакистану, Джунагад решит в конечном счете присоединиться. Тот шаг, который сделало правительство Пакистана, был, повидимому,

рассчитан на то, чтобы вызвать раздражение у правительства Индии.

Так или иначе, но несомненно, что, решая вопрос о присоединении в этом конкретном случае, Совет Безопасности не ограничится лишь чисто юридическим аспектом проблемы. Как я уже указывал, речь, в сущности, идет о решении политического порядка, и тогда как иногда можно поступать, исходя из чисто юридических соображений, в тех случаях, когда это касается соглашений между княжествами и правительствами, мы должны учитывать также факторы, могущие заставить ту или другую сторону принять решение, которое, хотя, возможно, и не соответствует букве закона, все же послужит на пользу всем заинтересованным сторонам.

Прошло значительное время между тем моментом, когда наваб решил присоединиться к Пакистану, и тем моментом, когда пакистанское правительство согласилось на это присоединение. Истек целый месяц, пока было принято это решение. Эта задержка, а также нерешительность, которую впоследствии проявило правительство Пакистана в связи с выполнением обязательств, налагаемых на него этим присоединением, возможно, оправдывают существовавшее подозрение в том, что было не так легко убедить генерал-губернатора Пакистана и его советников в разумности принятия этого решения, а также, что последние очень долго колебались, но все же, наконец, исполнили настойчивые просьбы наваба и девана.

В довольно жалостном обращении от 4 сентября, в котором шах Наваз Бхутто настойчиво просит г-на Джинна прийти на помощь Джунагаду, мы читаем следующее:

«Поэтому очень важно, чтобы Ваше Превосходительство сооблаговолило оказать свою могущественную защиту княжеству Катъявар, имеющему первостепенное значение и занимающему почти одну четверть всего полуострова. При теперешнем состоянии здоровья Его Высочества эти тяжкие заботы ему не по силам. Открыто заявленные обещания помощи с вашей стороны ободряют как его, так и сотни тысяч катъяварских мусульман, которые с большой тревогой и огорчением следят за происходящими здесь событиями. Я лично готов сделать все, что может потребоваться обстоятельствами, но в этом разбушевавшемся океане моих усилий будет далеко недостаточно. Я уверен в том, что сильная рука Вашего Превосходительства, организовавшая и создавшая самое большое в мире мусульманское государство, не оставит Джунагад и его население на съедение волкам. В моих ушах все еще звучат слова, произнесенные Вашим Превосходительством в Нью-Дели, когда Вы сказали, что Пакистан не допустит, чтобы Джунагад был занят силой и поработен, — и Веравал ведь недалеко от Карачи».

Через неделю после этого или несколько позднее Пакистан дал свое согласие на присоединение. Мне больше нечего сказать по этому поводу.

Кроме того, представитель Пакистана жаловался на плохое и недоброжелательное отношение к правительственным служащим мусульманского вероисповедания, которое стало обнаруживаться после того, как управление перешло в руки ре-

гионального комиссара в Раджкоте. Он заявил следующее [257-е заседание]: «Как только правительство Индии взяло в свои руки управление Джунагадом, оно посадило за тюремную решетку всех мусульманских чиновников княжества, которые не смогли во-время бежать; если это неверно, то я прошу г-на Веллоди представить Совету Безопасности список высших мусульманских чиновников княжества, оставленных на свободе после того, как вооруженные силы правительства Индии вступили в страну».

В связи с этим я хотел бы сообщить представителю Пакистана следующие факты. Ни один чиновник не был арестован в то время, когда региональный комиссар взял в свои руки управление 9 ноября 1947 года или сейчас же после этого. 25 ноября личный секретарь наваба г-н Абрахани был арестован за незаконное владение оружием и огнестрелными. Его дело затем разбиралось судом, и он был приговорен к шестимесячному тюремному заключению.

Некоторое время спустя за подобное же правонарушение был арестован другой чиновник г-н Абу Панч. Помимо этого, больше не было никаких арестов. Даже и теперь мусульмане в Джунагаде занимают некоторые из высших должностей.

Главное требование Пакистана заключается в том, чтобы в стране была восстановлена власть наваба. Но обратимся к фактам. Опасаясь за свою жизнь, наваб покинул свою страну и до сих пор еще не попытался установить связь со своим возлюбленным народом. Послав письмо одному из своих коллег, региональному комиссару, с просьбой взять в свои руки управление, наваб бежал 8 ноября. Совет министров был распущен и более не существует. Фактически от прежней администрации в Джунагаде, которая могла бы быть восстановлена, ничего не осталось.

Еще в апреле 1947 года наваб заявил от имени своего наваба, что последний стремится к тому, чтобы объединить отдельные княжества Катъявара в одно целое, с тем чтобы каждое из них имело свое собственное автономное управление, но чтобы они действовали совместно при осуществлении общих целей. Этот самый наваб теперь бежал из Катъявара.

Совсем недавно, как это, вероятно, известно членам Совета Безопасности, в Индии возникло движение, которое придало совершенно другой характер территориям, находившимся ранее под управлением индийских княжеств. Многие небольшие княжества, не имевшие возможности ввести у себя современные методы управления ввиду их ограниченной территории и недостатка возможностей и средств, объединились друг с другом или же были включены в состав провинций Индии для того, чтобы обеспечить себе более упорядоченное управление. Это движение обнаружилось в различных частях Индии. Недавно то же произошло и в Катъяваре, где было создано новое княжество, названное «Объединенным княжеством Катъявар», а ныне именуемое «Сураштра». Членам Совета Безопасности будет, верно, интересно узнать, что наименование «Сураштра» очень ясно выделяется на деванагарском наречии в государственном гербе Катъявара, которым там пользовались даже во время управле-

ния наваба. Джунагад действительно является сердцем района Сураштра. Весь этот район теперь сведен воедино и — как это, вероятно, известно членам Совета — является той частью территории Индии, в которую включено наибольшее число административных единиц, входивших в состав так называемых индийских княжеств. Примерно 449 этих единиц входят теперь в состав Объединенного княжества Катъявар. Было предусмотрено, что Джунагад также войдет в состав княжества Сураштра.

Население Джунагада стремится к этому. Если Джунагад фактически еще не вошел в состав княжества Сураштра, — последнее было ведь создано всего лишь несколько недель тому назад, — то это произошло по техническим соображениям юридического характера ввиду того, что вопрос о Джунагаде обсуждается еще в Совете Безопасности.

Когда от нас требуют, чтобы в Джунагаде было восстановлено прежнее управление, то мы не можем закрывать глаза на те события политического и конституционного порядка, которые имели место в Индии в течение последних недель и которых не сможет избежать также и район, включающий княжество Джунагад.

Если мы учтем возможность этого, то на что же может рассчитывать наваб, если он вернется в свое княжество с согласия своего народа? По всем имеющимся данным, народ Джунагада будет, конечно, голосовать за включение его территории в состав нового княжества Сураштра. Наваб будет тогда лишь тем лицом, чей титул и лист которого будет утвержден конституцией этого княжества и единственная функция которого будет заключаться в том, что он будет входить в состав Совета правителей, избирающего свой президиум из пяти человек. Вполне возможно, что, в случае если он достаточно популярен среди остальных правителей, членов этого Совета, он может быть избран одним из членов президиума; его, может быть, даже изберут главой или помощником главы этого нового княжества, должности, которые на местном языке называются Райпрамук или Упа Райпрамук. Но эти должностные лица не имеют прямого отношения к управлению этим большим районом, который был теперь сведен воедино, после того как были упразднены — т. е. фактически прекратили свое существование — примерно 449 различных административных единиц.

Поэтому я позволю себе заявить Совету Безопасности, что если мы будем теперь серьезно говорить о том, чтобы восстановить в Джунагаде власть его прежнего правителя, то тем самым мы будем закрывать глаза на нынешнее действительное политическое положение в Катъяваре.

Джунагад еще не слился с государством Сураштра, но его население ждет лишь первой возможности, чтобы осуществить это слияние. При создавшемся политическом положении проведение плебисцита даже по вопросу о присоединении представляется до некоторой степени нереальным. Но я отнюдь не хочу, чтобы из моих замечаний Совет Безопасности мог заключить, что Индия хочет уклониться от выполнения принятого ею обязательства. Индия не только признает, но фактически настаивает на том, чтобы в

этих районах воля народа играла первостепенную роль при решении всех этих вопросов. Кроме того, в случае если бы Совет постановил, что должен быть проведен новый плебисцит под тем руководством, о котором мы можем потом договориться, тогда, если со стороны Совета Безопасности не будет возражений, новый плебисцит должен быть проведен не только для разрешения вопроса о присоединении, но также и вопроса о возвращении к власти наваба и о присоединении Джунагада к новому княжеству Сураштра. Мы никоим образом не будем возражать против того, чтобы плебисцит был проведен в этих целях.

Но несомненно то, что мы не можем восстановить в Джунагаде самодержавия, которое там царило при его прежнем правителе. Мы можем создать в Джунагаде лишь такой образ правления, который будет полностью основан на демократических началах и который займет соответствующее ему место в новосозданном княжестве Катъявар. Я надеюсь, что в связи с создавшимся положением Совет Безопасности обратит свое особое внимание на эти очевидные факты политического характера, обнаружившиеся уже после того, как вопрос был передан на рассмотрение Совета, и касающиеся не только одного Джунагада, но фактически всей системы управления индийских государств.

В своем последнем выступлении представитель Пакистана затронул также менее важный вопрос о возмещении убытков тем, кто пострадал от незаконных действий вооруженных сил или должностных лиц индийского доминиона. Он требовал, чтобы пострадавшие люди были восстановлены в правах на свои жилища, чтобы их имущество им было возвращено, а также чтобы они получили компенсацию за те убытки, которые они понесли. Но это заявление о том, что кто-то пострадал от незаконных действий вооруженных сил или гражданских должностных лиц Индии, является совершенно неправильным и не имеет под собой никаких оснований. Любое лицо, добровольно покинувшее свой очаг и желающее к нему вернуться, получит полную защиту и содействие. Мало того, правительство Индии в течение последних дней получило ряд сообщений, в частности от состоятельных торговцев-мусульман этого района, в которых они заявляют, что при существующей в настоящее время администрации они пользуются полной защитой и вполне ею удовлетворены. Во всем княжестве царит мир и порядок. Поэтому вопрос о компенсации не может даже и возникнуть при таких обстоятельствах, за исключением тех случаев, которые подлежат рассмотрению судов. Такого рода иски могут предъявляться в обычном порядке, и, если суд вынесет соответствующее постановление, правительство Индии несомненно проведет его в жизнь.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Мне нет необходимости слишком долго задерживать внимание Совета Безопасности теми немногими замечаниями, которые я хочу сделать лишь по поводу двух или трех из числа тех многочисленных вопросов, которые были затронуты сегодня представителем Индии. Однако, прежде чем к этому приступить, я хотел бы с разрешения Председателя выразить наше удовлетворение по поводу того, что г-н Го-

паласвами Айянгар вернулся в Лейк Соксес, получив, вероятно, от своего правительства соответствующие директивы после проведенных с ним подробных консультаций. Таким образом, теперь можно будет быстро урегулировать те разногласия, которые еще остаются у доминионов.

Первое, что я хотел бы вкратце рассмотреть, — это вопрос о плебисците, который был действительно проведен в Джунагаде. Я уверен, что г-н Гопаласвами Айянгар меня простит, если я скажу, что я был до некоторой степени разочарован занятой им в этом вопросе позицией. Он заявил, что если бы в своей речи от 18 февраля [250-е заседание] я как-либо высказал свое чувство недовольства по поводу отказа правительства Индии удовлетворить мою просьбу о том, чтобы плебисцит был отложен, то ему бы представилась возможность или отложить плебисцит даже и в тот последний момент, или по крайней мере задержать подсчет голосов и объявление результатов; ввиду же того, что он в то время находился в Индии, он во всяком случае мог бы добиться последнего.

Я позволю себе обратить внимание Совета Безопасности на то, что с самого начала мы считали вопрос о Джунагаде весьма срочным для обоих доминионов. Его обсуждение пришлось отложить, потому что Совет Безопасности был тогда занят рассмотрением кашмирского вопроса. Когда было объявлено, что плебисцит будет проведен, я немедленно переговорил по этому поводу с тогдашним Председателем Совета Безопасности. Этот вопрос был поднят в Совете Безопасности в той формулировке, которую Председатель счел наиболее удобной. Как я прошлый раз заявил, г-н Гопаласвами Айянгар и г-н Веллоди высказали мнение, что моя просьба является вполне уместной и что их правительству будет нетрудно согласиться на нее. Эта просьба была представлена, но она была отклонена. Когда я узнал у г-на Веллоди о том, что моя просьба была отклонена, я снова поднял этот вопрос в Совете Безопасности. В сущности, я поднял этот вопрос в Совете Безопасности еще до отъезда г-на Гопаласвами Айянгара в Индию, и тогда им было заявлено, что он сообщил мою просьбу своему правительству, но что еще не получил от него ответа. Затем, когда я сам обратился к г-ну Веллоди и установил, какова позиция его правительства в этом вопросе, я еще раз поднял тот же вопрос в Совете Безопасности. В какой же момент тогда считалось необходимым для меня определенно выразить свое недовольство по этому поводу? Ведь из того, что одна сторона поднимает вопрос в вежливой форме и не настаивает чрезмерно на своем недовольстве, отнюдь не следует, что она соглашается с позицией, занятой другим правительством.

Для чего же тогда я обращал внимание Совета Безопасности на этот вопрос, если не для того, чтобы выразить свое недовольство, несмотря на то, что слово «недовольство», может быть, мною и не было произнесено?

Г-н Гопаласвами Айянгар обратил внимание Совета на цифры этого плебисцита. Они красноречиво говорят о том, какого результата можно ожидать от плебисцита, когда он проводится при условиях, подобных тем, которые имели место

в Джунагаде. Несомненно, что у правительства Индии нет оснований гордиться тем, что, по его же собственным подсчетам, как о них доложил сегодня г-н Гопаласвами Айянгар, более 20 000 мусульманских избирателей в Джунагаде или не решились явиться на избирательные пункты, или во всяком случае не осмелились голосовать против Индии. Что, кроме этого, доказывают эти цифры? Какое же еще нужно доказательство, чтобы убедиться в том, что проведенный при таких условиях плебисцит должен был неизбежно привести к такому результату.

Есть еще и другое обстоятельство, на которое я мог бы обратить внимание Совета Безопасности. На основании сведений, полученных от двух британских корреспондентов, находившихся в Джунагаде во время плебисцита и следивших за его проведением, издающаяся в Карачи газета Dawn сообщила, что принцип тайной подачи голосов в действительности совершенно не соблюдался и что на выдаваемых избирательных бюллетенях был напечатан номер, соответствовавший номеру на корешке, при помощи которого можно было легко установить личность каждого избирателя. Кроме того, в сообщении говорилось, далее, что когда это было доведено до сведения лица, ведавшего организацией плебисцита, последний объяснил, что это произошло по ошибке типографа, у которого не было опыта в печатании избирательных бюллетеней. Как бы то ни было, но бюллетени абсолютно не были тайными.

Я признаю еще раз, что ввиду результата плебисцита эти рассуждения носят, возможно, несколько академический характер. Но принимая во внимание метод проведения плебисцита и то обстоятельство, что ни одна сторона не может быть вполне убеждена в том, что народу фактически была дана возможность выразить свое мнение по этому столь важному вопросу, можно определенно утверждать, что этот плебисцит абсолютно не имеет никакого значения.

Третье обстоятельство, на которое я хочу обратить внимание Совета Безопасности, связано с той датой, когда деван покинул Джунагад. Эта дата не имеет большого значения сама по себе, и я уже ранее обращал внимание Совета Безопасности на то, что здесь важны те доводы, которые приводились г-ном Веллоди в связи с этой датой. Представитель Индии утверждал, что экономическая блокада Джунагада, закрытие путей сообщения с остальной частью Индии и т. п. явились результатом того хаоса, который воцарился после того, как наваб и премьер-министр покинули Джунагад; по заявлению г-на Веллоди, они оставили княжество вскоре по присоединении Джунагада к Пакистану. Я обратил внимание Совета Безопасности на то, что это заявление не отвечает действительности.

Я не пытался определять тех мотивов, по которым г-н Веллоди сделал это заявление. Я сам признал, что это было им сделано ввиду того, что у него не было достаточной информации, но заявил, что выведенные им из этих фактов заключения являются, поэтому, необоснованными.

Премьер-министр оставался в Джунагаде до последнего момента, т. е. до 8 ноября. Это именно то, что я хотел сказать относительно даты.

Иначе она сама по себе не представляет никакого интереса.

Затем г-н Гоналасвами Айянгар пытался дать нам понять, что пакистанское правительство узнало еще до 10 ноября о событиях, происшедших 8 и 9 ноября. Но когда пакистанское правительство заявляет, что оно не имело сведений об этих событиях до 10 ноября, то право же нет никаких оснований сомневаться в правильности его заявления. Но как бы то ни было, это во всяком случае только еще один спорный вопрос второстепенного значения.

Основной же вопрос сводится к следующему. Указывают, что премьер-министр попросил регионального комиссара помочь ему поддержать существующую администрацию. Но имел ли премьер-министр какое-либо право передать управление страной региональному комиссару? Это первый вопрос. Но даже независимо от такого юридического подхода, положение, в силу которого пришлось обратиться с этой просьбой к региональному комиссару, создано в результате мер, которые стали применяться правительством Индии с середины сентября, когда оно установило экономическую блокаду, отрезало Джунгад с суши и поощряло временное правительство. Таким образом, снова все мои доводы сводятся к тому, что это положение, создавшееся в результате мероприятий правительства Индии, никоим образом не могло служить ему оправданием для отправки в Джунгад его вооруженных сил вечером 9 ноября.

Г-н Гоналасвами Айянгар затем коснулся вопроса о том времени, которое правительство Пакистана считало удобным для решения этого вопроса путем плебисцита. Теперь это тоже только академический вопрос. Как уже известно Совету Безопасности, по этому поводу велась некоторая переписка. Правительство Индии настаивало на том, чтобы этот вопрос был разрешен путем плебисцита. Правительство же Пакистана настаивало на том, что принцип проведения плебисцита, его цель, а также условия, на которых он должен быть проведен, должны быть решены в отношении всех княжеств, относительно которых могут возникнуть эти соображения. Этот спор между двумя доминионами продолжался до тех пор, пока вопрос не был передан на рассмотрение Совета Безопасности.

И в этом случае речь снова идет не о том, признало ли пакистанское правительство принцип плебисцита или нет. Дело заключается в следующем: если этот вопрос надлежит решить путем плебисцита, то последний должен быть проведен в условиях, исключающих всякое принуждение или давление на кого бы то ни было, т. е. в условиях, которые всем представляются справедливыми, независимо от ожидаемого результата. Даже если и маловероятно, чтобы в результате самого справедливого плебисцита в Джунгаде его население решило присоединиться к Пакистану, — а я признаю, что это маловероятно, — то все же нет никаких оснований инсценировать плебисцит, который, при наличии условий, в которых он был проведен, является просто фарсом. Для чего его вообще проводить при таких условиях? Почему просто не сказать: «Восемьдесят процентов населения Джунгада не явля-

ются мусульманами. Мы убеждены в том, что они не желают присоединения к Пакистану. Поэтому вообще нет необходимости проводить плебисцит». Но если вы уже проводите плебисцит, если вы выдвигаете тот принцип, что решение должно выноситься народом, то дайте возможность народу принять это решение.

Затем говорилось о том, что по многим причинам совершенно бесполезно требовать восстановления нормальной администрации: во-первых, потому что от прежней администрации ничего не осталось, а во-вторых, если бы правитель и вернулся в Джунгад, то каково бы было его положение? Оно было бы лишь положением конституционного правителя, который обязан подчиняться воле своего народа. Тем временем, происшедшие события политического порядка привели к созданию этого Объединенного княжества Катъявар. Теперь народу уже пришлось бы решать, хочет ли он вообще иметь какого-либо правителя и желает ли он войти в состав этого катъяварского союза.

С точки зрения принципа, нет вообще никакой необходимости спорить по поводу этих вопросов. Раз вопрос о присоединении отпал, то народу или правителю или же сообщая правителю и народу — это будет зависеть от принятой конституции — надлежит решить все другие вопросы. Если Джунгад присоединился к Индии, то Пакистан не должен в это вмешиваться; если же он присоединился к Пакистану, то Индия также, на основании того же принципа, не должна иметь к этому никакого отношения.

В дальнейшем все эти события пойдут, конечно, своим чередом, но в данном случае затрагивается честь правителя и достоинство Союза, так как правитель должен находиться в равном положении с правителями других княжеств, присоединившихся к одной или другой стороне.

Г-н Гоналасвами Айянгар заявил, что если плебисцит должен быть проведен вторично, то необходимо, если Совет Безопасности согласится с таким предложением, чтобы этим плебисцитом были решены еще два следующих вопроса: должна ли быть восстановлена власть правителя и должен ли Джунгад войти в состав этого катъяварского союза? Если представитель Индии считает, что по принципиальным соображениям должны быть добавлены эти два вопроса, то плебисцит, который будет проведен в Кашмире, должен решить не только вопрос о присоединении Кашмира к Пакистану, но также и вопрос о том, должен ли магараджа быть восстановлен у власти в Кашмире. Мерка, применяемая в одном случае, должна применяться и в другом.

В Кашмире народ восстал против власти магараджи. Войска магараджи были разбиты, и его власть распространяется лишь на часть собственно княжества Кашмир. Восставшие против магараджи неоднократно заявляли, что они не желают его возвращения и что он более не пользуется властью в их районах. Если, согласно г-ну Гоналасвами Айянгару, правильно, чтобы эти вопросы были объединены, то тогда правильно также объединить аналогичные вопросы и в отношении Кашмира. Пусть, с одной стороны, вопрос будет поставлен: должен ли Кашмир присоединиться к Индии и сохранить магараджу?

И пусть, с другой стороны, вопрос будет: должен ли Кашмир присоединиться к Пакистану и избавиться от магараджи? Если в отношении Джунгада предложение носит именно такой характер, то я вполне согласен с тем, чтобы и в отношении Кашмира было принято аналогичное предложение. Но бесполезно утверждать, что если правитель вернется, то он будет лишь конституционным правителем, потому что ему придется подчиниться решению своего народа по вопросу о присоединении или не присоединении к катьяварскому союзу. Поэтому совершенно и не нужно, чтобы правитель возвращался.

Независимо от того, присоединится ли княжество Джунгад к Индии, что вполне вероятно, или же к Пакистану, что мало вероятно, несомненно то, что его правителю должно быть предоставлено положение, аналогичное тому, в котором находятся правители в княжествах, присоединившихся к тому или к другому доминиону; дальнейшие же события, т. е. развитие того фактического положения, на которое обратил внимание г-н Гопаласвами Айянгар, естественно пойдут своим чередом. Если правитель будет благоразумен, то ему необходимо будет прийти к известному соглашению со своими подданными относительно дальнейшего развития конституционного порядка внутри страны, а также наладить внешние сношения княжества со своими соседями. Если же он окажется недостаточно мудрым, то он, вероятно, войдет в конфликт с другими правителями и будет уже сам отвечать за его последствия.

Тем не менее, все эти вопросы могут возникнуть лишь после присоединения, а сам вопрос о присоединении должен быть разрешен в нормальных условиях. Нормальные же условия требуют, чтобы правитель был восстановлен в своих правах, независимо от того, в какой степени последние тем временем могли быть ограничены, так как это представляет собой уже другой вопрос. Г-ну Гопаласвами Айянгару очень легко спрашивать, какие преимущества получит джам Наванагарский, если он будет оставаться правителем Наванагара при создавшихся новых условиях. Но я думаю, что это уже дело самого правителя высказать свое мнение по этому аспекту вопроса. В чем же тогда заключаются преимущества всякого другого правителя?

Г-н Гопаласвами Айянгар весьма великодушно признал, что если правитель вернется и станет конституционным правителем Джунгада, а Джунгад присоединится к этому новому катьяварскому союзу, то его, возможно, выберут одним из пяти представителей катьяварских княжеств в Объединенном княжестве Катьявар. В один прекрасный день его, может быть, даже выберут помощником главы этого княжества. Но если это так, то это скорее говорит в пользу того, что необходимо поставить правителя в такое положение, когда он сможет содействовать дальнейшему развитию княжеств этого района, и, значит, в пользу того, чтобы не препятствовать его возвращению.

В конце концов, если он даже и будет избран конституционным правителем с определенным

гражданским листом и с перспективой стать одним из пяти представителей катьяварских княжеств в этом союзе, причем не исключается возможность, что его наследник в один прекрасный день может быть избран помощником правителя, то неужели же это положение заслуживает презрения или пренебрежения? Вопрос о том, почему бы он хотел вернуть себе это положение, не имеет никакого значения; сам же факт, что этот вопрос был вообще поднят, красноречиво свидетельствует о той позиции, которая была занята правительством Индии в этих вопросах. С одной стороны, г-н Гопаласвами Айянгар ставит эти вопросы, а с другой заявляет, что нет никаких оснований, по которым правитель мог бы пожелать вернуться в свою страну.

По нашему мнению, Совет Безопасности обсуждает принципиальный вопрос. Если, оставив в стороне историческое развитие этого вопроса, оба доминиона признают сегодня, что, для того чтобы положить конец существующему между ними спору относительно этих двух княжеств, вопрос о присоединении каждого из них должен быть решен путем плебисцита, то во имя справедливости и беспристрастности необходимо, чтобы в каждом из них плебисцит был свободным и беспристрастным. Необходимо совершенно устранить всякое подозрение о том, что при проведении какого-либо плебисцита равновесие будет нарушено в пользу одного из двух доминионов или же в пользу одной части населения и во вред всем остальным. В этом заключается сущность всего вопроса как в отношении Джунгада, так и в отношении Кашмира.

Я думаю, что у меня нет уже больше оснований пользоваться вниманием Совета Безопасности в связи с этим вопросом. Мне кажется, что вопрос был подробно обсужден и все его стороны достаточно освещены в Совете Безопасности, так что последний сможет, когда он сочтет это удобным, сам приступить к рассмотрению вопроса по существу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Члены Совета Безопасности, наверно, помнят, что перед отъездом г-на Гопаласвами Айянгара для консультаций со своим правительством Совет Безопасности под умелым руководством своего тогдашнего председателя, представителя Канады, обсуждал условия урегулирования кашмирского вопроса. На своих последних двух заседаниях, посвященных индо-пакистанскому вопросу, Совет Безопасности для удобства делегации Индии рассматривал вопрос о Джунгаде.

Мне кажется, что наступил момент, когда надо поспешить с решением кашмирского вопроса, а после этого решить, конечно, и вопрос о Джунгаде. Поэтому я предлагаю теперь прервать заседание, с тем чтобы в среду после полудня Совет Безопасности возобновил свои прения по кашмирскому вопросу.

Ввиду того что нет возражений, Совет Безопасности соберется в среду 10 марта в 2 ч. 30 м. дня.

Заседание закрывается в 5 ч. 50 м. дня.